

УДК 8011: 8017

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Петренко А. Д., Поповская А. Я.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aldpetrenko@mail.ru
E-mail: anna.popovskaya@gmail.com*

Современный период развития социолингвистики ставит перед языковедами задачу всестороннего и углубленного изучения проблем языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками говорящих. Важным направлением современных исследований является также поиск источников языковых (звуковых) изменений как в плане синхронии, так и в плане диахронии. Определение связей на реальном материале с социальными структурами открывает возможность для решения этих проблем и выводит подобные исследования в ряд наиболее важных и актуальных для лингвистики.

Ключевые слова: языковая вариативность, социальный признак, языковое изменение, многоязычие, принцип экономии в языке

ВВЕДЕНИЕ

Одной из проблем, к решению которой позволяет, на наш взгляд, приблизиться лингвистическая наука в настоящее время, является проблема развивающихся языковых изменений на всех уровнях языковой системы. Если в области лексики или семантики подобные явления могут быть подвергнуты практически «визуальному» наблюдению, то на уровне грамматики это требует более сложных методов регистрации и контроля, не говоря уже о фонетике и фонологии. Изменения в языке охватывают в той или иной степени все уровни его структуры. Вряд ли можно было бы утверждать, что некоторые из них «отстают» в своем развитии или остаются неизменными, незатронутыми.

В лингвистике нередко звучат довольно категоричные утверждения в оценке языковых изменений. Так, по словам Е. Хаугена, некоторые внешние причины для бессознательных языковых изменений можно принять лишь с большими предосторожностями. Ни климат, ни оккупация, ни физиология, ни характер, ни история не могут быть причинами, вызывающими такие глубокие языковые изменения, как передвижение германских согласных или сдвиг гласных в английском языке, умлаут и потерю окончаний в большинстве романских и германских языков [19, с. 229-237].

С подобным утверждением можно согласиться лишь в том смысле, что ни одно из приведенных выше внешних факторов и условий не вызывало непосредственно те или иные изменения в языке. Однако то, что эти языковые изменения связаны с изменениями в общественной жизни – бесспорно. Необходимость поиска источников языковых изменений, а также возможность их объяснения с помощью постоянных элементов или переменных признаков социальной системы привели лингвистов к исследованию более тесных и тонких взаимоотношений языка и общества.

Нельзя отрицать того очевидного факта, что возникшие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие – взаимодействие контактирующих языков, приводят к серьезным изменениям в структуре языка и, в частности, к довольно существенной перестройке фонологических систем. Е. Хауген абсолютно прав, утверждая, что нет языков, которые изменяются сами по себе, но есть люди, которые изменяют языки.

Немецкий лингвист Г. Вольф полагает, например, что древневерхненемецкое передвижение согласных началось в среднефранкском сначала только у одной социальной группы, а именно, у аристократии, которая искала из политических соображений языкового союза с верхненемецкими племенами [26]. Автор обнаруживает возникновение и развитие языкового изменения в пределах отдельной социальной группы и относит подобное явление к понятию т.н. «*престижаэлиты*». Очевидно, что языковые изменения не одноразовый акт, а довольно длительный процесс. Вначале он происходит на идиолектном уровне. После принятия его более широким коллективом говорящих индивидуальное изменение получает шанс быть признанным языковым сообществом. Еще в 30-е годы прошлого столетия мнения лингвистов о влиянии социальных факторов на языковое развитие и причины языковых изменений были часто абсолютно полярными. Достаточно привести лишь два из наиболее авторитетных. Так, например, А. Мейе считает, что «социальное изменение служит единственным варьирующим элементом, к которому можно обратиться для объяснения языковых изменений, так как языковые изменения представляют собой последствия социального варьирования, иногда непосредственные и прямые, но гораздо чаще опосредованные и косвенные» [22, с. 240].

Довольно категорично в этой связи звучит точка зрения Л.Блумфильда: «Хотя многие звуковые изменения сокращают лингвистические формы, упрощают фонетическую систему, или любым другим образом уменьшают трудность высказывания, до сих пор ни одному исследователю не удалось установить корреляцию между звуковыми изменениями и предыдущим явлением – причины звукового изменения неизвестны» [18, с. 386].

Тем не менее, лингвисты продолжали выдвигать теории, в которых объясняли звуковые изменения только формальными признаками, такими, например, как упрощение правил, экономия речевых усилий и т.п. Позднее ряд языковедов отвергли более раннее утверждение об упрощении и признали точку зрения, высказанную А. Мейе (1921) и Ф. де Соссюром (1922) о том, что спорадическая природа звукового изменения дает возможность объяснения через любой постоянный фактор в фонетической системе. Таким образом, впервые была высказана мысль о том, что объяснения меняющегося хода звукового изменения должны принимать во внимание параллельные изменения в структуре общества. Это подтвердило и одно из первых полевых исследований в данной области, проведенное в начале XX-го века Л. Гоша. Автор обнаружил, что в небольшом поселке французской Швейцарии Шармее, представители пяти поколений по-разному произносили пять гласных и один согласный и рассматривал данный факт как указание на развивающееся языковое изменение [20]. При объяснении таких

явлений не всегда срабатывал принцип «упрощения правил» или «наименьших усилий», выдвинутый позднее А. Мартине [13, с. 214], особенно, когда речь шла не о сокращении, а о расширении звуков. Позднее подобные цепи видоизменений были обнаружены лингвистами разных стран, в том числе У. Лабовым в Нью-Йорке [23; 25]. Одно часто используемое объяснение языковых изменений относит подобные сдвиги на счет заимствований из диалектных разновидностей, пользующихся более высоким престижем. Но если действие этого фактора, как отмечает У. Лабов, можно наблюдать во многих сельских районах, то в больших городах изменения возникают в центре пролетарских районов, причем пользующийся низким социальным престижем городской диалект становится все более и более отличным от диалекта среднего класса. Во всех до сих пор исследованных случаях фронт языкового сдвига проходит в пределах центральных групп общества, а неравномерное распределение по классам закономерно сочетается с протеканием языковых изменений [24].

Подбирая соответствующие объяснения подобным явлениям, функционалистическая теория следует общему положению, что принцип звуковой системы заключается в различении слов и, таким образом, в передаче референционного значения. А. Мартине выдвинул предположение о том, что многие звуковые сдвиги можно объяснить, исходя из функциональной роли звуковой системы: цепи сдвигов выявили тенденцию системы сохранять различия, стиранию которых угрожает принцип наименьших усилий [21]. Однако так же часто, как мы встречаем цепи изменений, противостоящих смещению значений, наблюдаются и изменения, приводящие к постепенному стиранию и потере различий. Ряд разговорных и диалектных произносительных форм языка возможно идентифицировать, лишь принимая во внимание языковой контекст или соответствующие формы стандартного произношения, где подобные реализации выступают нередко в другом значении. В свою очередь, взаимодействие таких вариантов неизбежно сказывается как на норме стандартного произношения, так и на функционировании разговорного языка и местных диалектов.

Лингвистами не раз подчеркивалось, насколько малую роль могут играть функциональные ограничения в свете мощных и трудно предсказуемых процессов, сущность которых является объектом современных исследований [11; 12; 6; 14; 2]. Данные процессы связаны, вне всякого сомнения, и с дифференциацией населения, так что представителям одного поколения становится все труднее понимать лиц, принадлежащих к другому поколению. Это же касается различий внутри языковых сообществ, то есть речи представителей разных социальных групп, особенностей мужских и женских вариантов произношения, своеобразия языка детей и т.д. По справедливому замечанию В.М. Бухарова, языковая деятельность группы говорящих любого уровня имеет одинаковую регулятивную основу: принципы социального контроля и престижности, что находит свое отражение в языковой норме [3, с. 10]. А поскольку исследователи ограничиваются чаще всего рамками функционального подхода к языку как к средству передачи информации, то многие изменения становятся часто трудно объяснимыми и парадоксальными с позиций традиционного подхода.

Важная роль отводится и межъязыковой интерференции, которая представляет собой неизбежный результат любого двуязычия, в том числе и близкородственного, что объясняется рядом факторов. Так, в условиях взаимодействия близкородственных языков интерференция не всегда оказывает существенное влияние на результат коммуникации. В таком случае говорящий часто не задумывается над тем, единицы какого языка он использует в своей речи [10, с. 226]. Следует отметить, что чаще всего один из функционирующих в социуме языков подвергается большей интерференции, чем другой. Данное обстоятельство связано с различными внеязыковыми факторами, которые предполагают доминирование одного языка над другим. При лингвистическом изучении языковых контактов допускают две точки зрения: в основу первой кладется допущение о дивергенции контактирующих языков, в основу второй – допущение об их конвергенции. [8, с. 3-25]. Сравнительно-исторические исследования ставили главной своей целью реконструкцию общих источников, к которому восходят исследуемые языки, и «чужое» в родственных языках привлекало внимание в основном постольку, поскольку не укладывалось в схемы генетической реконструкции.

В 1900 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал новую концепцию языкознания. Наряду со сравнительно-историческим сопоставлением генетически родственных языков и типологическим сопоставлением языков независимо от их родства, автор предложил также «сравнительное обозрение двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» [1, с. 392]. Подход к явлениям языкового контакта с точки зрения конвергенции языков легко прослеживается в дальнейшем в работах ученых, воспринявших идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ о единстве сравнительно-исторического, типологического и ареального описания языков. Основоположники теории языковых контактов (Г. Шухардт, И.Г. Асколи, И.А. Бодуэн де Куртенэ, М.Г. Бартоли и др.) отмечали связь с теорией стратов – субстратов (чертами языковой системы, восходящей к языку народа-побежденного при обязательном этническом смешении), суперстрата (чертами языковой системы, восходящей к языку народа-победителя при обязательном этническом смешении) и адстрата (смешанного билингвизма, имеющего место при интенсивном языковом контакте). Последний термин, введенный М.Г. Бартоли, широкого распространения в лингвистике не получил, и в настоящее время для обозначения этого феномена обычно используется термин «смешанный билингвизм» [15, с. 292; 1, с. 392].

На рубеже 19–20 вв. в лингвистике активно рассматривалась проблема возможности или невозможности так называемого «смешения языков» в свете теории языковой конвергенции. Этот период считается началом изучения языковых контактов. По мнению Г. Шухардта, речевое общение между двумя языковыми коллективами ввиду затрудненности акта коммуникации ведет к конвергентному переустройству контактирующих языков. Г. Шухардт впервые рассмотрел конвергенцию языков как естественное и необходимое проявление коммуникативной функции языка, как удовлетворение «потребности в

установлении взаимопонимания» [15, с. 292]. С позицией Г. Шухардта о смешении языков не были согласны представители младограмматического направления [7, с. 311]. Из лингвистической практики младограмматиков можно заключить, что язык есть законченное целое, подверженное внешним воздействиям, но при этом фонетическая и морфологическая основы языка оставались чуждыми по отношению к внешним влияниям. С позицией младограмматиков по этому вопросу совпала в дальнейшем и позиция структуралистов, рассматривавших фонетический и морфологический уровни языка как закрытые системы.

Итог дискуссии о смешении языков подвел Л.В. Щерба в статье «О понятии смешения языков», предложив заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков», так как «смешение» подразумевает, что оба языка, находящиеся в непосредственном контакте, могут в равной степени участвовать в образовании нового языка [16, с.40]. Л.В. Щерба разграничил во взаимном влиянии языков два различных процесса, зависящих от типа сосуществования двух языков в индивидууме: заимствование и смешение. Заимствование характерно для двуязычия (под которым Щерба понимал существование в сознании индивида двух отдельных систем ассоциаций, не имеющих между собой контакта). Смешение характерно для ситуации, когда два языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций, т.е. когда два сосуществующих языка образуют только один язык, который автор называет «смешанным языком с двумя терминами» [16]. Необходимо подчеркнуть, что смешанный язык с двумя терминами – не гибридный новый язык, образовавшийся путем слияния контактирующих языков, а промежуточная система между двумя языками с одним рядом означаемых, которому соответствуют два ряда означающих. Хотя некоторые лингвисты (Гавранек, Росетти) продолжали употреблять термин «смешение языков», признавая возможность смешения морфологических систем контактирующих языков, большинство ученых придерживается точки зрения, что смешение однородных систем невозможно [5, с. 94-111]. В.Н. Ярцева отмечает, что «прогрессирующее в 20 веке понимание языка как «системы систем» дало повод утверждать, что в языке каждая часть должна гармонично сочетаться с соседними, поэтому нельзя заменить одну часть какой-либо системы куском другой, не подвергая ее риску полного разрушения. Смешение сравнительно легко может происходить в тех языках, системы которых не имеют достаточного внутреннего сцепления, но язык тем более сопротивляется смешению, чем более развитые и более соразмерные системы он в себе включает. Поэтому языки типа «пиджин» или креольские языки как бы «выводились за рамки «настоящих» языков... наблюдать смешение можно лишь между различными уровнями языков, например, грамматической системой одного языка и лексической системой другого и т.д. Однородные системы могут только исключать друг друга» [17, с. 12-23]. Как отмечает А.Е. Карлинский в работе «Основы теории взаимодействия языков», билингвизм и языковые контакты – две стороны взаимодействия языков. Билингвизм – отражение экстралингвистического аспекта, языковые контакты – отражение внутрilingвистического аспекта взаимодействия языков. В центре внимания исследований по проблемам билингвизма – двуязычный индивид (психоллингвистический аспект явления) или двуязычное общество

(социолингвистический аспект явления). В фокусе исследований по теории языковых контактов – собственно языковые особенности взаимодействия языков [9, с.48].

Классиком исследования билингвизма и языковых контактов в зарубежной структурной лингвистике является У. Вайнрайх. В работах автора четко очерчен круг вопросов, связанных с изучением билингвизма и языковых контактов в лингвистике, суммируется весь опыт изучения языковых контактов, подробно и комплексно рассмотрены лингвистические особенности. По мнению У.Вайнрайха, проблема двуязычия заключается в том, «чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом, выявить те различия между системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать, таким образом, наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием» [4, с.20-68]. У.Вайнрайх подробно рассматривает языковые контакты на всех уровнях системы языка и анализирует природу и особенности фонетической, грамматической и лексической интерференции. Автор отмечает, что часть спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения, но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков. Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами) для заимствования достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров. При определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций [4].

Основным условием для лексического заимствования У. Вайнрайх считает «ощущение лексического дефицита» (“lexical gap”). Этот тезис особенно актуален для лексических единиц, обозначающих элементы культуры контактирующих языковых общностей. У. Вайнрайх рассматривает основные механизмы лексической интерференции (перенесение иностранного слова и заимствование путем подстановки).

ВЫВОД

Выбор механизма лексической интерференции при языковом контакте обусловлен, таким образом, сложным комплексом социокультурных и грамматических факторов –языковой политики и идеологии общества на данном этапе языкового контакта, структурными характеристиками контактирующих языков и т.д.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэне И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртэне. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 392 с.
2. Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике / У. Брайт. – М.: Наука, 1975. – Вып. 7. – С. 34-41.
3. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка / В. М. Бухаров. – Нижний Новгород, 1995. – 138 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика / У. Вайнрайх. – М.: Прогресс, 1999. – Вып. III. – С. 20-68; Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике / Б. Гавранек. – М., 1972. – Вып.6. – С. 94-111.
5. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. / Дж.Гамперц. – М.: Наука, 1975. – Вып. 7. – с. 182-199.
6. Герд А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. университета, 2005. – 457 с.
7. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык / Л.Р.Зиндер, Т.В.Строева. – М., 1957. – 400с.
8. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции / А.Е.Карлинский: Дис. ... докт. филол. наук. – К., 1980. – 48 с.
9. Курохтина Т.Н. Межязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия / Т.Н. Курохтина: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.03. – М., 2010. – 226 с.
10. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. – Вып. 7. – М.: Наука, 1975.
11. Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования / У. Лабов // – М.: Наука, 1976. – С. 5 -31.
12. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. / А. Мартине.– М.: Наука, 1960. – 261 с.
13. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике / Д.Х. Хаймс. – М.: Наука, 1975. –Вып. 7. – С. 43-94.
14. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Г. Шухардт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 292 с.
15. Щерба Л. В. О понятии «смешение языков» // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1958. – С. 40.
16. Ярцева В.Н. Языки мира – проблемы описания и классификация / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1971. – С. 12-23.
17. Bloomfield L. Language. / L.Bloomfield. – New York: Henry Holt, 1933. – 386 p.
18. Haugen E. Social factors of sound change. // Proceedings of the IX - th International Congress of Phonetic Sciences. / E. Haugen // – Copenhagen, 1980. – Vol. III. – pp. 222-237.
19. Gauchat L. L'unitephonetiquedans le patois d'une commune. // AusromanischenSprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich 20. Morf. / L. Gauchat. – Halle, 1905.
20. Martinet A. Economie de changementsphonetiques / A. Martinet. – Berne, 1955.
21. Meillet A. Linguistiquehistorique et linguistiquegenerale. / A. Meillet. – V. 1., Paris, 1926. – 240 p.
22. Labov W., Yeager M., Steiner R. A quantitative study of sound change in progress. Report on National Science Foundation Grant GS – 3287. / W.Labov, M.Yeager, R. Steiner. – Philadelphia, 1972.
23. Labov W. The social stratification of English in New York city. / W.Labov//– Washington: D.C., 1966.
24. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. / P. Trudgill. – Cambridge, 1974.
25. Wolf H. Sprachwandel in soziolinguistischerSicht. // GermanistischeLinguistik. / H. Wolf. – Olms. – Varia 1, 1970. – Nr. 6. – 700 S.

LANGUAGE CONTACT AND THE PROBLEM OF LINGUISTIC CHANGES

Petrenko A. D, Popovskaya A. Y.

The modern period of the sociolinguistics development places linguists before the challenge of the comprehensive and in-depth study of the problem of the language variation, connected with the speakers' various social markers. The important direction of the modern researches is also the search of the sources of linguistic (acoustic) changes in terms of both synchrony and diachrony. Defining the connections with the social structures on the real material opens up a possibility to solve these problems and makes similar researches the most important and urgent for the linguistics.

Key words: language variation, social marker, linguistic change, multilingualism, economy principle in the language.